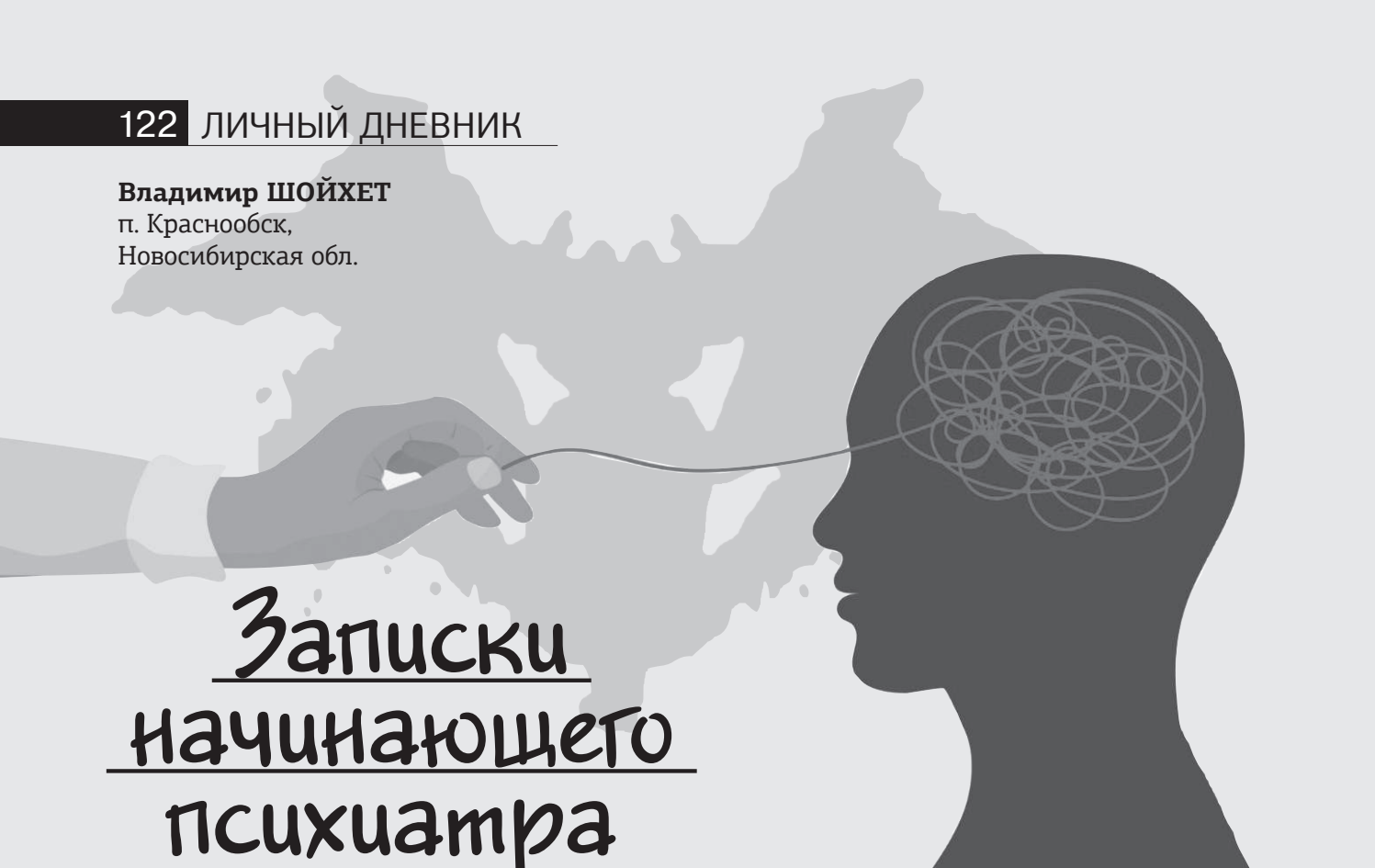

Владимир ШОЙХЕТп. Краснообск,
Новосибирская обл.

Записки начинающего психиатра

*Моему дорогому зятю Дмитрию К.,
ушедшему от нас безвременно, посвящаю*

(Окончание. Начало в №9-10 2025)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИНТЕРНАТ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Наступило бабье лето, теплое, мягкое, солнечное. Я очень люблю такую погоду. Уже нет летней жары, но еще не пришла осенняя промозглость и слякоть. Добирался до интерната с пересадками. Сначала — полтора часа на пригородной электричке до райцентра. Райцентр — город с населением около шестидесяти тысяч, в котором градообразующим предприятием был цементный завод. Завод работал в три смены. Дома, киоски, скамейки, остановки, листва на деревьях, трава, кажется, даже сами люди и воздух были серыми от цементной пыли.

От привокзальной площади отходил рейсовый автобус. По сельским дорогам бегали в то время маленькие забавные автобусы пазики.

Асфальт скоро кончился, и началась разбитая грунтовка. По пути попадались деревни, большие, маленькие, ухоженные и не очень. Пейзаж довольно однообразный — поля, небольшие перелески. Семьдесят километров ехали почти два часа.

Автобус остановился в «моей» деревне, у магазина. Я спросил у местного, как пройти в психинтернат. Тот показал дорогу: «Вот по ней иди, километра три с гаком».

Подбросил на плечо чемодан, в котором уместилось все мое имущество, и пошел, куда послали. В домах топились печи, сладко тянуло печным дымом. Деревня вскоре закончилась, но еще попадались редкие дома, хозяйственные постройки. Справа от дороги — густой хвойный лес. Слева сквозь деревья заблестела река. Солнце еще светило, но набегали тучи, собирался дождь. Устал, хотелось есть, все сильнее сосало под ложечкой — с утра в

пути. Невольно думал о том, что ждет впереди. Страха не было. Мне 24, закалку я к тому времени прошел хорошую. Был неприхотлив в быту и еде, самостоятелен, независим, умел постоять за себя. Наконец дошел до интерната. Удивило, что прямо напротив, через дорогу — ограда пионерского лагеря, слышны детские голоса. Довольно странное соседство.

Интернат стоял на обрывистом берегу реки, которая примерно через полкилометра впадала в море. Хвойный бор начинался сразу за оградой, даже на территорию пробрались несколько сосен. Вход через проходную. На территории три жилых корпуса, изолятор, столовая с пищеблоком, контора, баня, гараж, котельная с угляркой, склады, дом директора, т.е. абсолютно автономное учреждение. В дальнем углу, ближе к лесу, одноэтажный 2-квартирный дом, в котором я буду жить следующие два года. По периметру интернат огорожен 1.5-метровой оградой из железных прутьев. Ограда символическая, через нее легко перелезть, не беспокоя вахтера. Во многих местах прутья выломаны или раздвинуты.

Единственное, что я тогда знал о психоневрологических домах-интернатах Министерства социального обеспечения, это то, что сюда направлялись престарелые (женщины старше 55, мужчины старше 60 лет) и инвалиды I и II группы, страдающие затяжными формами психических заболеваний, состояние которых характеризовалось наличием слабоумия или выраженных проявлений психического дефекта. Ни о какой острой психотической симптоматике, асоциальном, агрессивном поведении, представляющем опасность для себя и окружающих, не могло быть и речи. Эти люди направлялись в интернат на пожизненное проживание и нуждались в уходе, бытовом и медицинском обслуживании. Назывались они не «пациенты», а «обеспеченцы». Для чего в названии интернатов такого типа звучало «неврологический», непонятно, скорее всего, для благозвучия.

Стою с чемоданом у конторы, осматриваюсь. Вокруг меня начинается кружение местных. Судя по внешнему виду и запаху, это кочегары, шоферы. Поинтересовались, кто я такой, постреляли сигареты, предложили «скинуться на фуфырик». Надо сказать, что внешность у меня обманчивая, неопасная, внешность «мальчика

из хорошей семьи». Подошел человек невысокого роста, смуглый, с большим «грузинским» носом. Назвался директором интерната Иваном Николаевичем. Я легко представил его у мангала в большой кепке и грязно-белом переднике, карманы которого оттопыриваются от смятых купюр. Директор посетовал, что, мол, не ждали меня так скоро и поэтому жилье для «молодого специалиста» еще не готово, ремонтируется. Предложил какое-то время пожить в одном из пустующих кабинетов конторы. Показал кабинет, где я буду спать и могу оставить вещи, распорядился принести из склада раскладушку и постель, отдал запасной ключ от входной двери.

Рабочий день подходил к концу. Я решил пройтись по территории, осмотреться. Зашел в первый корпус. Корпус большой, 2-этажный, деревянный, очень старый. Внутри полумрак, тяжелый, неприятный, устоявшийся запах. Потом я узнал, что в этом корпусе в основном жили люди с выраженным слабоумием, физически неопрятные, которых не водили в столовую из гигиенических соображений. Санитары приносили еду в кастрюлях, бачках, термосах и раскладывали по тарелкам прямо здесь, в корпусе. Ели больные в своих палатах. Сразу напротив входной двери — холл, от него влево и вправо уходит широкий коридор, в который открываются двери палат. В холле за столом сидят четыре мужика, двое в белых халатах. Те, что без халатов — тоже санитары, но из другой смены, пришли «в гости». Медсестры нигде не видно. Пьют «Яблочное». На столе 5-литровая миска мяса, из которой они жрут ложками, у стола стоит 20-литровый чан с макаронами. Это еда, которой санитары должны были накормить «обеспеченцев». Грязно, густо накурено. На полу валяются пустые бутылки, окурки. Один из мужиков, как я понял, «центральной», обратился ко мне: «Ты че, шнурок, новый врач? Добро. Будешь держаться за нас, все у тебя будет тип-топ. Присаживайся, бухани. Мы здесь секс минутку хотим устроить. Ща притащим психов, и дурак дурочку иметь будет, позырим». Красные рожи, хохот, вонь перегара.

Решение надо принимать быстро. То, что разговоры здесь не помогут, это ясно. Пресекать подобное скотство надо только физически, не откладывая, максимально жестко. Только вот

как? С этой поганой сворой я один не справлюсь, они меня просто затопчут. Решил вызвать «центрового» на улицу под каким-нибудь предлогом и там разобраться с ним один на один, пока остальные ничего не поняли. Выпил предложенный стакан «червивки», поблагодарил и позвал «центрового» покурить на воздухе, мол, посоветоваться хочу, как мне здесь жить, с кем дружить, то да сё. «Центровой» понимающе хмыкнул. Сам какой-то весь дерганый, как на веревочках, все время гримасничает, пальцы сплошь в наколах. Когда зашли за угол корпуса и нас никто уже не мог увидеть, сразу начал его бить. Сбил с ног первым же ударом, а потом бил, пока тот не заплыл кровью и начал хрипеть. Руки обтер носовым платком и пошел в контору осваиваться с временным жильем.

Начался дождь, поднялся ветер. Вокруг как-то сразу нахмурилось, помрачнело, словно сама природа была мной недовольна. Решил пройтись, подышать воздухом, чтобы успокоиться. Спросил у кого-то из местных, как выйти к морю. Оказалось — всего 5 минут по тропинке через лес, заблудиться невозможно. С территории вышел через калитку у моего будущего дома. Незаметно было, что в доме кто-то возится с ремонтом. Тропинка узкая, малохоженная. В лесу стойкий, приятный хвойный запах. Сосны высокие, от ветра шумят так сильно, словно где-то недалеко едет тяжелый грузовик. Шел как по мягкому ковру из сосновых иголок и удивительно яркого зеленого мха. Глухо падали шишки, почти рядом упала сбита ветром сухая ветка. Метрах в трех от тропинки увидел холмик, очень напоминающий могилу. Скоро сквозь просветы в деревьях мелькнуло море. Вышел на берег, присел на ствол поваленного дерева. Было сыро, зябко. Небо низкое, словно приплюснутое длинными серыми облаками. Штормило. Вода мутно-зеленая, на вид — тяжелая и холодная. На берегу ни души. Вспомнил, как один приятель назвал место моего распределения «краем географии» и пошутил, что там даже выпить будет не с кем. Ну, с кем выпить, я найду, проблем точно не будет. А вот «знакомство» с будущими сотрудниками, прямо скажем, получилось слишком уж эмоциональным. Хотя по-другому, наверное, было нельзя. Очень хотелось выпить. Долго сидел, курил, пока не замерз. Напряжение немного

отпустило. Пошел назад. На территории уже никого не было видно. Рабочий день давно закончился, все сотрудники, кроме ночной смены, ушли в деревню.

Кое-как устроился на ночлег. Долго не спалось. Непривычно жесткой казалась раскладушка, в окно скребся ветер, по карнизу громко щелкал дождь. Под полом возились, пищали мыши. Разбитые кулаки болели. Было тревожно. Предполагал, что мне могут мстить, а я один, спину никто не прикроет. Опять же, неизвестно, как к этому отнесется мой нынешний начальник — директор интерната, тот самый невысокий носатый мужичок с быстрыми глазами, «шашлычник». А еще думал, куда я попал? Это какой край медицины, передний или задний? И медицина ли вообще? На следующий день я узнал, что пострадавшего в тот же вечер увезли в ЦРБ. После физической травмы, или так совпало, у него обострился диабет, развилась кома, едва спасли. Заявление в милицию он не написал. Все трое санитаров-субульников уволились «по собственному желанию».

ПЕРСОНАЛ

Наутро заглянул директор. Предупредил, что я должен быть на административно-хозяйственной планерке, которая состоится в 8:00 в его кабинете. На планерке присутствовали, кроме директора, главный бухгалтер, шеф-повар, инженер, завхоз, завскладом, завгар, санитарный фельдшер, старшая медсестра. Директор представил меня сотрудникам, пожелал успешной работы. Обсуждались какие-то вопросы, в которые я особенно не вникал. Со слов директора понял, что хотя по должности я врач-психиатр, но по факту буду выполнять обязанности заместителя директора по медицинской части. Мне подчинялся весь медперсонал и работники пищеблока, всего около 50 человек.

Когда все разошлись по рабочим местам, директор поставил на стол бутылку коньяка, печенье, банку растворимого кофе. Выпили по рюмке за знакомство, начало моей трудовой деятельности. Глядя в упор, уже зная о случившемся, Иван Николаевич спросил: «Что, доктор, не слишком ли рьяно вы начали?» Я рассказал все подробно.

— Да, до меня доходила информация, что в первом корпусе с дисциплиной неладно, а тут еще все медсестры на уборке. Вот и развинтились, подлецы.

— Я не Макаренко, а подлецов надо не воспитывать, а наказывать.

— Согласен. Но впредь, доктор, как-то мирно вопросы решайте, по-врачебному. Да и с санитарями у нас дефицит, сразу — минус 4, кем теперь смены закрывать?

Директор мне понравился. Был он старше меня лет на 10-12. В нем чувствовались спокойная сила, уверенность, деловая хватка. Вопросы решал быстро, профессионально, без лишней болтовни. Явно был умен и образован. «А вот с медициной, доктор, у нас полный завал, — сказал Иван Николаевич, — за три последних года сменилось четыре врача: двое мужчин и две женщины». И вот что он рассказал.

Первый, по хронологии, врач, директор назвал его фамилию, сошел с ума, был увезен на скорой сначала в райцентр, а затем в психиатрическую больницу, в большой город. Это был Вадим М. Я знал этого парня по институту, он был старше меня на два-три курса. Мы даже как-то оказались в одной компании в ресторане. Помню, как молча, пристально глядя мне в глаза, он рукой взял из моей тарелки кусок колбасы, засунул в рот и медленно сжевал, все так же сверля меня взглядом. Это была наглость, требующая немедленных репрессий. Мой сосед по столу, понимая, что сейчас неизбежно произойдет, сжал мою руку и шепнул: «Тормозни, брат. Я все объясню». Оказалось, уже давно у Вадика «едет крыша», его друзья об этом знают, стараются не заострять внимание, как могут прикрывают. Я вспомнил о «враче из психинтерната», о котором, не называя фамилию, рассказывал шеф в интернатуре. У этого врача развилось острое психотическое состояние в тяжелой форме, с быстрым выходом в инвалидность. Все связалось. Теперь я знал, о ком именно шеф тогда рассказывал.

Второй врач — женщина среднего возраста. Жила она в том же доме «молодых специалистов», в котором потом жил я. Ничем особенным не выделялась. Были некоторые странности в поведении, но о них вспомнили «задним числом»: немотивированная смена настроения, единственный брючный костюм, который

она постоянно носила, непонятные исчезновения на сутки-двое, какие-то подозрительные личности, приезжавшие на «Жигулях» с тонированными стеклами. Забеспокоились, когда врач три дня подряд не вышла на работу. Вскрыли дверь и нашли уже холодный труп. Причиной смерти оказалась передозировка наркотиков.

Третий врач — женщина пенсионного возраста. Там все было проще: свободный доступ к медицинскому спирту, спиртовой настойке боярышника. С этих напитков она начинала, продолжала и заканчивала рабочий день, в конце которого санитары выносили ее из кабинета, грузили, как мешок, на свободный транспорт и увозили спать домой, в деревню. Уже при мне пару раз она появлялась в третьем корпусе, заходила в кабинет старшей медсестры интерната, по совместительству заведующей аптекой, какое-то время там находилась, после чего повторялась вышеописанная процедура погрузки и транспортировки по месту жительства. Я, естественно, эти посещения пресек.

И, наконец, врач №4, мой предшественник. Он окончил один из дальневосточных медицинских вузов. Каким ветром его занесло сюда, непонятно. Практически весь рабочий день он просиживал в своем кабинете, втихаря прикладываясь к бутылке. Во время своих редких обходов по корпусам держался от больных на расстоянии, прижимал к носу надушенный платок, с рук не снимал кожаные перчатки. Потом узнали, что он «крысятничал» — вскрывал посылки «обеспеченцев» и забирал себе хорошие тряпки и продукты, которые им присылали родственники. Сожительствовал с одной из медсестер, а когда та забеременела, приехала его мама, привезла какую-то важную бумагу и увезла своего непутевого сына подальше отсюда.

Вот такие предшественники. Стоит ли удивляться, что медицинской службы как таковой не было.

Прошел в свой кабинет. Он находился в третьем корпусе. Сразу отметил, что этот корпус, не в пример первому, в котором побывал накануне, был чистым, я бы сказал, неожиданно ухоженным: ковровые дорожки в холлах и коридорах, журнальные столики, полумягкие кресла, комнатные цветы на подоконниках, зеркала

ла, шторы. Даже, в нарушение правил, здесь была своя небольшая кухня. Корпус находился на самообслуживании, жили в нем психически сохранные люди и «авторитетные» мужчины, с которыми я потом познакомился.

В кабинете врача стандартная мебель, шкаф с историями болезни «обеспеченцев», два стола, один для врача, второй для санитарного фельдшера. Санитарный фельдшер, женщина далеко за 40, грузная, неопрятная, фамильярная. Именно она в промежутке между очередной сменой врачей оставалась за главного.

— Вы санитарный фельдшер?

— Да, доктор. Я вам буду все объяснять, подсказывать, помогать.

— Нет, это я вам сейчас все объясню. Ваш стол из своего кабинета я убираю. Ваше рабочее место теперь в банно-прачечном комплексе, где вы будете непосредственно на месте проводить первичный осмотр вновь поступивших, контролировать помывку и стрижку «обеспеченцев», смену и стирку белья, одежды, постельных принадлежностей. А также в ежедневном режиме осуществлять все необходимые мероприятия по организации санитарно-гигиенического и противоэпидемического режимов, вести соответствующую документацию. Докладывать мне лично два раза в неделю. И поверьте, я буду пристально наблюдать за вашей деятельностью. Вам все понятно?

В ответ — испуг, недоумение, вытаращенные глаза, кривая ухмылка. Вероятно, отправив ее в «баню», я нарушил сложившийся порядок вещей. Эта дама организовала в деревне что-то вроде дома свиданий, а проще — притон. Жила она одна, подпаивала мужиков спиртом, украденным в интернате, собирала у себя одиноких женщин, «разведенков». В деревне семейные женщины ее ненавидели, били стекла в доме, даже пытались на ворота пристроить лампочку, покрашенную в красный цвет.

В этом же корпусе, дальше по коридору, находился кабинет старшей медсестры, совмещенный с аптекой. Старшую медсестру интерната, звали ее Валя, я в первый раз увидел на административно-хозяйственной планерке у директора. Поразило удивительное несоответствие ее внешности тому, как я представлял себе деревенскую женщину. Зайдя в кабинет, поздоровался. Она посмотрела на меня се-

рыми глубокими глазами, в которых я едва не утонул. Когда выплыл, попросил к завтрашнему дню подготовить спецификацию всех лекарственных средств, используемых в интернате, с разбивкой по группам, отдельно — заявки сестринских постов на спирт с обоснованием и пофамильной конкретизацией, отчеты об использовании и списании расходных материалов, все действующие инструкции и обратную документацию.

Подошло обеденное время. Пошел на пищеблок снимать пробу. Директор предупредил, что коль скоро я живу на территории, должен буду снимать пробу трижды в день. Меня такая «обязанность» только порадовала. На первый взгляд, на кухне, в подсобках, служебных помещениях — чисто, на складе нет запаха гнили, правила хранения и товарного соседства продуктов соблюдаются, варочное и холодильное оборудование почти новое, исправное, персонал в аккуратной униформе, вся необходимая документация на месте.

Мне накрыли обед в кабинете шеф-повара. Конечно, повара постарались. И все последующие годы они кормили меня вкусно и разнообразно, так, что иногда было неловко. Надеюсь, это шло от чистого сердца. Пробу как таковую я, конечно, снимал — как и положено, из котла, но, признаюсь, делал это нечасто. Пока я обедал, по очереди зашли все сотрудницы смены, и каждая поведала мне («на новенького») о своих проблемах со здоровьем. Это продолжалось до тех пор, пока одна из них, по имени Катя, единственная среди поваров стройная женщина, сказала: «Бабы, имейте совесть. Дайте человеку поесть спокойно. Хватит перед ним своими внутренностями трясти». С чувством юмора, как и с фигурой, у нее оказалось все в порядке.

После обеда меня нашел директор: «Ну что, доктор, поехали, познакомлю вас с медперсоналом». Мы сели в уазик-буханку, директор — за руль. По пути он рассказал, что интернат арендует у совхоза 40 гектаров земли сельскохозяйственного назначения, на которой выращивают овощи, зерновые. Овощи складировать в два хранилища на территории интерната, а зерном — овсом, ячменем, пшеницей — кормят свиней на собственном подсобном хозяйстве. Убирают урожай своими силами. Теперь

я понял, что он имел в виду, когда говорил: «медсестры на уборке». Приехали на поле. Вдалеке возилось десятка полтора-два ребят-олигофренов, медики — уставшие, чумазые, в телогрейках — сидели на куче из картофельной ботвы, перекусывали, пили чай. Двое мужчин, один молодой, крупный, второй пожилой, в очках, шесть молодых женщин, пять из которых — совсем девчонки. Среди них была жена директора. Это — «средний медицинский персонал» интерната. На меня посмотрели мельком, без особого интереса. Зная от директора историю врачей-предшественников, я не удивился.

Когда вернулись в интернат, директор позвал к себе в кабинет, достал початую бутылку коньяка, печенье. Выпили, закусили. И тут Иван Николаевич начал «моноложить». Видимо, соскучился по собеседнику, вернее, слушателю. Говорил о себе, как попал сюда. Человек с высшим экономическим образованием, член партии, работал освобожденным комсомольским секретарем большого завода, «прокололся» по женской части, получил два партийных выговора и был сослан для исправления в глушь на должность директора психинтерната. Когда заканчивался срок «ссылки», он понял, что не хочет возвращаться в большой город. Врос в жизнь интерната, увлекся рыбалкой, охотой, женился, родилась дочка. Говорил, как непросто найти добросовестных, работающих, небрезгливых людей, готовых работать с нашим контингентом; как сложно «выбивать» бюджет; как непросто проходят ремонт, любая, даже небольшая стройка; что и поля, и подсобное хозяйство нужны для того, чтобы пополнялся спецсчет, которым можно распорядиться во благо интерната. Похвалился, что ежегодная прибыль составляет 40-50 тысяч рублей в год, которые «мы с тобой можем использовать на пользу делу».

Коньяк кончился, появилась литровая банка спирта, разведенного глюкозой. Подкупали искренность, откровенность, какой-то очень честный мужской разговор. После очередной рюмки я назвал директора Ваней и тут же наткнулся на недобрый взгляд: «Мы с тобой, доктор, свиной вместе не пасли. Прошу соблюдать субординацию». С тех пор, до окончания моей работы в интернате, мы обращались друг к другу на «ты», но — по имени-отчеству. Как-то, много

позже, уже перед моим увольнением, директор выпил, расчувствовался и назвал меня по имени. Я ему вернул: «Мы с тобой свиной вместе не пасли. Прошу соблюдать дистанцию».

В интернате был довольно солидный подвижной состав: три уазика, два бортовых ГАЗ-53, ассенизаторская машина, трактор и, наконец, кобыла Машка, к хвосту которой прилагались телега летом и сани зимой. Водители: Володя Ким, которого за большие габариты называли Ком, два брата Братцевы, которых звали братья Блятцевы, Вася Писарев, которого переименовали в Писю Васарева. Как звали кочегаров, я не помню, да и тогда не различал — они были все на одно, запорошенное угольной пылью, лицо. Помню Соню — завскладом, жену одного из братьев Братцевых. Симпатичная молодая женщина. Она была хороша собой, привлекала взгляд, но только до тех пор, пока не начинала улыбаться: обнажались два сплошных ряда стальных зубов, выглядело неприятно. Это была «работа» ее ревнивого мужа, который вскоре погиб, захлебнувшись, пьяный, в дождевой луже.

Санитаров было много, менялись часто. Работать в интернат, как правило, шли те, кого не брали в совхозе даже на подсобную работу. Здесь они тоже долго не задерживались. За два года я понял, что в деревне нет людей усредненных, что ли. Либо это были замечательные, самоотверженные, работающие люди, и их было подавляющее большинство, либо — «бросовый» человеческий материал, пропойцы без стыда и совести, деревенские люмпены.

О бухгалтерии интерната ничего примечательного сказать не могу. Сидели две девушки, весь рабочий день уткнувшись в калькуляторы. Главбух, пожилая дама, пользовалась, и, видимо, неспроста, полным доверием директора. Часто они вдвоем запирались в его кабинете, решали какие-то вопросы за «закрытыми дверями». В их дела я не лез, вполне хватало своих.

РАБОТА

Мне платили полторы ставки. На руки получал, после исчисления подоходного налога и налога «на яйца» (так называли 6% налог на бездетность), около 180 рублей. Учитывая, что

мои расходы были минимальные, это хорошо. А плохо то, что за эти полторы ставки я должен был оказывать врачебную помощь примерно тремстам пятидесяти пациентам, получалось — по рублю в месяц за двоих. Я все-таки чаще использовал привычное слово «пациенты», а не корявое — «обеспеченцы».

Чтобы пациенту получить путевку в психинтернат, которую выдавал отдел домовинтернатов Областного управления социального обеспечения, надо было собрать пакет документов, в их числе — медкарта с заключением клинико-экспертной комиссии об отсутствии медицинских противопоказаний для пребывания в психинтернате. В соответствующих инструкциях Министерства здравоохранения они подробно и точно прописаны. Главное — у человека не должно быть острой или подострой стадии психического заболевания, грубых нарушений влечения и расстройств поведения. То есть психическое состояние человека должно полностью исключать опасность для него самого и окружающих. Также человек не должен был страдать серьезными сопутствующими соматическими (т.е. не психическими) заболеваниями, угрожающими его жизни.

Достал из шкафа наугад несколько историй болезни, в половине из них не было никаких записей. Заполнен только титульный лист, его заполняет старшая медсестра, а в историях ничего нет. Ни первичного осмотра, ни диагноза, ни плана лечения, ни текущих осмотров, ни этапного эпикриза — пусто. И так — в большинстве историй болезни. А если и были какие-то записи, то, как правило, отрывочные и бессистемные. Истории аккуратно стоят в шкафу по алфавиту, новенькие, почти не измятые. Сетовать некогда. В кратчайшее время мне надо узнать и запомнить всех пациентов. Как быстрее это сделать? Я придумал следующее: надо сфотографировать каждого, а фотографию приклеить на «крышку» истории. На обходах я буду знакомиться с человеком и тут же, на месте, сличать его по фото. Так и запомню. А то, что в больницах так не делают, ну что ж, здесь свои особенности. Обратился за помощью к директору, тот дал денег, вызвал фотографа. Через три дня все было готово. К этому времени из отчета, подготовленного старшей медсестрой, я знал ситуацию с лекарственным

обеспечением. Порадовало, что выбор препаратов был очень большой, как собственно психотропных, так и общетерапевтических, включая дорогие импортные лекарства. Я сейчас не назову точных цифр, которые тогда узнал в бухгалтерии, помню только, что финансирование одного койко-дня по статьям «питание» и «медикаменты» в интернате было в 1.5-2 раза больше, чем в больницах Минздрава.

Не буду утомлять подробностями того, как я знакомился с пациентами, ставил диагнозы, назначал лечение. Скажу только, что процесс был сложным. Оказалось, что в основном использовались четыре препарата: анальгин, димедрол, корвалол, но-шпа. В конце месяца не востребованные лекарства стоимостью многие сотни рублей сжигались в топке котельной. Затем привозилась новая партия медикаментов, так как надо было «выбирать» бюджетные деньги, и все повторялось. Позже, когда начался активный лечебный процесс и лекарства стали использоваться по прямому назначению, а не как топливо, старшая медсестра призналась, что всякий раз, сжигая мешки с лекарствами, боялась, что рано или поздно ее за это «привлекут».

В течение месяца около ста пациентов были переведены мной на активную психотропную терапию. Этого требовало их актуальное психическое состояние. В основном это были подострые стадии соответствующих заболеваний, а это обязательно требовало для предотвращения перехода в острую стадию соответствующей коррекции. Вот так инструкции расходятся с реальной жизнью. В тех же инструкциях предписывалось не только обязательное разделение жилых корпусов на женские и мужские, но и по возрастам контингента (18-40, старше 40 лет). А также — культурно-массовая работа, осуществление мероприятий, направленных на социально-трудовую реабилитацию, восстановление социального и личностного статуса. Смех, да и только! Мне бы пару этих теоретиков в помощь.

Еще пример из того же ряда. От профузного маточного кровотечения, как осложнения рака IV стадии, умерла 56-летняя женщина, поступившая в интернат три месяца назад. Просматривая ее медицинскую карту с консультациями «узких» специалистов, я не встретил даже

намека на это заболевание. В каждой строчке было написано: «здорова».

Нельзя не сказать, что зачастую возникали определенные проблемы для точного выполнения врачебных назначений, обусловленные спецификой психинтерната. Поясню на примере, что я имею в виду. Для коррекции агрессивного психопатоподобного поведения я стал применять введение больших доз аминазина, которое оказалось более эффективным, чем использование рекомендованных в литературе нейролептиков — корректоров поведения. Но как практически это осуществить? Пациенты, демонстрирующие подобное поведение, как правило, молодые, физически сильные парни. Хорошо, если на смене два санитаря, а если всего один или ни одного, что тоже бывало. У санитаря с медсестрой просто сил не хватит, чтобы сделать инъекцию. Пациент может оказать яростное сопротивление, просто убежать, спрятаться, у нас же свободный выход. А если на смене одна медсестра, без санитаров? Она из сестринской даже выйти побоится. Поэтому, ожидая определенный эффект от терапии, приходилось иметь в виду и такие нюансы. Когда появлялась возможность, я отправлял на госпитализацию в Областную психиатрическую больницу сразу по 8-10 человек, сколько вмещалось в узик. К сожалению, такая возможность появлялась не часто, приоритетными были хозяйственные потребности.

Повышенного внимания, общемедицинских знаний, физического и эмоционального труда требовало так называемое ослабленное отделение. Это было отделение на 70 коек, расположенное на первом этаже второго корпуса, в котором находились пациенты с тяжелыми соматическими и неврологическими расстройствами, практически все — инвалиды I и II группы. Около половины из них нуждались в полном уходе. Обычно в 12-часовой смене работали две-три санитарки. В течение дня они должны были умыть лежачих, а кого-то и помыть, трижды накормить, поменять, если надо, постель и белье, дать попить, подложить судно, обработать пролежни, сделать влажную уборку всех помещений, кварцевание палат. В буквальном смысле им некогда было присесть, а не то что бы пить многократно чай, сплетничать и ходить

в гости. Удивительно, но в этом отделении как на подбор работали потрясающие люди: терпеливые, выносливые, душевные — настоящий «золотой фонд».

И здесь, и в других отделениях интерната было много пожилых пациентов, отягощенных целым «букетом» сопутствующей соматической патологии. Чтобы хорошо лечить, я много читал, необходимые учебники у меня были. Помогали знания, полученные в субординатуре по терапии, опыт работы на скорой. Осваивал сам и показывал медсестрам и санитаркам элементы массажа, ЛФК. Для медсестер на планерках читал небольшие лекции по психопатологии, приводил конкретные примеры, чтобы они лучше разбирались в специфике своей работы. Каждые полгода из ЦРБ должна была приезжать комплексная бригада врачей — «узких» специалистов для проведения сплошного осмотра всех без исключения пациентов. За два года моей работы такая бригада приехала лишь однажды. Врачи осмотрели пациентов, но, разумеется, не всех, а по заранее подготовленным мной спискам. Иначе им пришлось бы неделю здесь жить.

Вспоминаются двое молодых людей — де-вушка и юноша. Они страдали спастической диплегией — одной из форм ДЦП. Самостоятельно передвигаться не могли и весь день просиживали в инвалидных креслах. При этом выраженного снижения интеллекта у обоих не было. Они нравились друг другу. Очень трогательно было видеть, как эти дети, держась за руки и почти соприкасаясь головами, часами о чем-то шептались, смотрели друг другу в глаза. Я с серьезным выражением лица попросил их «не совершать никаких глупостей», в ответ — порозовевшие от смущения лица, милые улыбки.

Интересная история разыгрывалась всякий раз, когда старшая медсестра привозила из аптечного склада райцентра очередную партию лекарств, а с ними — 38-литровую флягу медицинского спирта. В ее кабинет начиналось паломничество: директор, главбух, шеф-повар, завскладом, завгар, зав. подсобным хозяйством и пр. Каждому «руководящему работнику» была установлена точная норма выдачи спирта, которая зависела от его служебного положения. Так, директор отливал себе

два литра, дальше — по нисходящей. Это была традиция, неизменное правило, почти закон. Затем приходили постовые сестры, получали спирт для работы. Решив контролировать расход спирта, я во время дежурства медбрата, молодого парня Владимира, проверил спиртометром концентрацию спирта на посту. Оказалось, что медбрат использовал водопроводную воду, в которую для запаха вливал немного спирта. Спокойно, ничуть не смущаясь, он сказал, что забрал «свой» спирт домой: «А вы, доктор, не знаете деревенской жизни. Здесь без спирта никак нельзя». Что было делать? Я понимал, что не смогу кардинально изменить ситуацию, это просто физически невозможно. К тому же все мы были «в одной лодке», в той или иной мере зависели друг от друга. Это реальная жизнь. Конечно, контроль был ужесточен, нормы для посетителей урезаны, кое-кто вычеркнут из списка получателей, а в список добавлена новая фамилия — моя собственная.

Еще один запомнившийся случай, отчасти забавный. Пациентка широко зевнула. Да так широко, что произошел двухсторонний вывих нижней челюсти. Не буду описывать процедуру ее вправления. Она не сложная, главное, чтобы руки врача были чем-нибудь защищены, например, полотенцем. Вправленная на место челюсть захлопывается с такой силой, что можно остаться без пальцев. Позвали меня не сразу, жевательные мышцы спазмировались, чтобы их растянуть и вправить челюсть, пришлось изрядно потрудиться, ввести в мышцы раствор новокаина. В течение 2-х недель пациент должен носить пращевидную повязку, поддерживающую челюсть, питаться только жидкой пищей. Понятно, что эти рекомендации в силу психического состояния пациентки не соблюдались. В результате вывих стал привычным. Бывало, иду с обходом по корпусам или территории, издаю слышу громкое мычание. Так и есть — опять у моей дамы челюсть «вылетела». Бежит ко мне, руками машет, рот широко открыт, слюни до пояса. Мимоходом, с громким щелчком, поставил челюсть на место, услышал: «Спасибо», — пошел дальше.

А теперь о трагическом. Люди умирали часто. От старости, болезней. Никогда, ни прежде, ни потом, мне не приходилось писать столько посмертных эпикризов, оформлять свидетельства

о смерти. Хоронили умерших без вскрытия, на собственном кладбище, в гробах собственного же изготовления. Очень редко на похороны приезжали родственники. В ноябре, когда уже лежал снег и пришли первые морозы, директор начал ремонт первого корпуса. Пациентов переселили в кирпичный гараж, в котором, казалось, было холоднее, чем на улице. Люди начали умирать просто от того, что им холодно, за месяц — более тридцати человек. Никакая медицина здесь помочь не могла. Думал, ситуацией заинтересуются компетентные органы. К моему удивлению, это не произошло. Позже, при составлении годового медицинского отчета, цифры показали, что при мне смертность, по сравнению с предыдущим годом, снизилась почти в пять раз.

Как-то, было уже лето, директор передал, что меня срочно вызывают в большой город, непосредственно к начальнику Областного управления социального обеспечения. Предполагая, что вызывают, чтобы отметить мою хорошую, эффективную работу, вручить грамоту или ценный приз, решил, если приз — попрошу деньгами. Приехал в город, зашел к начальнику управления, кстати, медику, кандидату наук, и сразу от двери услышал: «Вы что себе позволяете, чем там занимаетесь?! Вы резко снизили естественную убыль, и у нас, по вашей милости, образовалась большая очередь за путевками! Езжайте обратно и сделайте нужные выводы». На этом аудиенция закончилась: ни грамоты, ни приза, ни денег. Особенно жалко, что не дали грамоту. Я бы повесил ее в рамочке на самом видном месте в своем кабинете. А если серьезно, то это — весьма наглядная иллюстрация того, как относились к людям в интернатах власти предрежские.

У самой реки отдельно стоял небольшой дом. В нем находился изолятор на шесть коек. Всех вновь поступающих на проживание в интернат мы «выдерживали» в нем не менее двух недель. Бактериологической лаборатории в интернате не было, а нам нужна гарантия, что в жилые корпуса не будет занесена какая-либо инфекция. Отвечали за содержание изолятора, присматривали за «новенькими», кормили их двое — мужчина и женщина. Мужчина был из «авторитетных», то есть, попросту, бывший уголовник-рецидивист по кличке Пшеница, а

женщина, его гражданская жена, одна из «обеспеченков». Пшеница был официально трудоустроен на должность санитара. У него была своя лодка, у берега он соорудил мостки, с которых удил рыбу. Претензий у меня к Пшенице не было. Изолятор содержался в идеальном порядке.

С этими мостками связан забавный случай. Ко мне в гости из большого города приехал мой институтский приятель, заядлый рыбак. На утренней зорьке устроился с удочкой на этих мостках. Вдруг, рассказывает он, появился какой-то мужик и «наехал»: ты кто такой, кто тебе разрешил здесь рыбу ловить, ноги переломаю. Давно, говорит приятель, мне не было так страшно. После того как он промямлил, что приехал к доктору в гости, Пшеница, а это был он, сразу успокоился, подсказал глубину, на которую надо выставить поплавков, пожелал удачи и ушел.

В области ликвидировали один из психинтернатов, причину не знаю. К нам привезли сразу около 40 «обеспеченцев», которых мы, естественно, не смогли всех провести через изолятор и вынуждены были сразу разместить в первом корпусе. Безусловно, и первичный осмотр «новеньких», и санитарная обработка были проведены не так тщательно, как следовало, за что санитарный фельдшер свое получила. Через какое-то время на планерке мне доложили, что в первом корпусе обнаружены головные и платяные вши. Совершенно очевидно, что это был завоз извне, а в условиях скученности и гигиенической неопрятности, свойственной нашим пациентам, вши очень быстро распространились. Это был позор, пятно на медслужбу и весь интернат. Никто из вышестоящего руководства, конечно, не захочет слушать никаких оправданий, вдаваться в детали и брать на себя хотя бы часть ответственности.

Связались с районной СЭС, в которой была передвижная дезинсекционная камера, в народе — «прожарка», «вошебойка». Но в сильные морозы на улице ее эксплуатировать нельзя, поэтому к нам прислать отказались. Распорядились весь мягкий инвентарь привезти в СЭС для обработки в стационарной камере. Я предложил директору единственный, на мой взгляд, вариант, который мог исправить ситуацию. На следующий день снабженец привез 150 фла-

нелевых ярко-желтых пижам. Все, что нашлось на оптовой базе. Я «протрубил боевой сбор» и собрал весь медперсонал, кроме смены ослабленного отделения, в одном корпусе. Всех пациентов раздевали догола, женщин на одном этаже, мужчин — на другом. Медсестры, медбратья, санитары и санитарки облачились в резиновые фартуки, перчатки, сделали из марли и ваты многослойные маски. Квачами, обмакивая их в емкости с разведенным карбофосом, они протирали, как губкой, каждого пациента с ног до головы. Потом партиями — мальчики налево, девочки направо — отправляли в душ, где уже другие сотрудники контролировали помывку. После этого больных переодевали в новые пижамы. Собрали, без исключения, весь мягкий инвентарь, который был в корпусе: нижнее белье, верхнюю и уличную одежду, головные уборы, постельные принадлежности, подушки, одеяла, матрацы. Все это упаковывали, складывали на грузовики и отправляли в райцентр. Провели дезинфекцию всех помещений и мебели в корпусе. Грузовики курсировали всю ночь. Как мне сказали водители, наше барахло просто свалили в ограде СЭС кучей на землю. Это, как я понял, такая эффективная комплексная обработка: сначала выморозить, потом — прожарить.

В течение трех дней первый корпус походил на инкубатор: в палатах и коридорах сидели, лежали, бродили, как желтые цыплята, «обеспеченцы». Пижамы были одного-единственного размера, поэтому у кого-то штаны волочились по полу и свисали рукава, а кто-то выглядел как подросток-переросток. Спали пациенты на голых панцирных сетках, сильно мерзли, но терпели, не жаловались. Когда наш инвентарь начали привозить обратно, конечно, многого недосчитались. Еще долго ко мне подходили пациенты, жаловались на пропавшие личные вещи, которые мы как-то компенсировали за счет интерната. Довольно скоро «обеспеченцы» стали называть меня «папа» и обращаться за помощью не только по лечебным, но и по социально-бытовым проблемам. Тщательные контрольные проверки показали, что мы справились. «Наверх», естественно, ничего не докладывали. Чрезвычайная ситуация потребовала таких же чрезвычайных решений и действий. Персонал сработал на «отлично», и я

закрыв глаза на то, что в отделениях по этому поводу были накрыты столы.

После этой ситуации не реже одного раза в два месяца я стал устраивать в выходные дни субботники для медицинского и кухонного персонала, не дожидаясь Всесоюзного Ленинского. Заранее объявлялась дата, готовились тряпки, моющие средства, инвентарь, распределялись зоны уборки. Проводили генеральную уборку всех помещений, оборудования, мебели, чистили территорию. Как правило, явка была 100-процентная, за очень редким исключением. Никто не отлынивал, работали добросовестно, весело. К моему удивлению, людям понравилось собираться и работать вместе. Часто приходили с гармошкой, кое-кто — слегка навеселе. Так формировалась хорошая традиция.

Теперь о питании. Я уже упоминал, что на питание, так же как и на лекарства, нормативы были в 1.5-2 раза выше, чем в обычных больницах. На арендованных у совхоза полях каждый год выращивали и закладывали на зимнее хранение в погреба интерната около ста тонн свежих овощей, в больших бочках заквашивали капусту. Интернат на правах структурного подразделения организовал подсобное хозяйство — два свиноводника с общим поголовьем более ста взрослых свиней. Заведовал хозяйством человек с ветеринарным образованием, и, несмотря на свою фамилию Безруков, — опытный и толковый. Всю грязную, тяжелую работу по содержанию подсобного хозяйства выполняла «спецбригада» наших «обеспеченцев» — 5-6 парней-олигофренов. Среди других таких же ребят существовала конкуренция за место в этой бригаде. Бухгалтерия должна была выплачивать парням ежемесячно 50% от средней зарплаты, установленной по этому виду работ. Остальные 50% — зачислять на спецсчет интерната. Средства, аккумулированные на спецсчете, по Положению, должны расходоваться на культурно-бытовое обслуживание и питание всех обеспечиваемых. Ни того ни другого, насколько я знаю, не делалось. Безруков откупался конфетами «Дунькина радость» и сигаретами «Прима». Когда свиньи поросились, вся деревня стояла в очереди за поросятами. Оказывается, поросята в деревне — очень ходовой и востребованный

товар, торговля шла бойко. Осуществлять строгий учет и контроль собранных овощей, выращенных свиней, проданных поросят, да и зарплаты, «сэкономленной» на бесплатном труде «обеспеченцев», не представлялось возможным. А значит, появлялась возможность для злоупотреблений.

Несмотря на высокий бюджет, заложенный на питание, большой объем собственноручно выращенных овощей, мясо, поставляемое из подсобного хозяйства, рацион пациентов не отличался особым разнообразием, не было организовано диетическое питание. По документам КБЖУ (калорийность-белки-жиры-углеводы), нормы закладки и выхода готовых продуктов точно соответствовали инструкциям. На деле часто кормили однообразно, не очень вкусно, мяса больные почти не видели. Здесь сложилась примерно та же система, что и с раздачей спирта «по списку». Полномочия мои ограничивались контролем за санитарно-гигиеническим состоянием пищеблока. Лишь только я попытался вмешаться в процесс по учету и расходованию продуктов, составлению меню, организовать диетическое питание, попробовал установить контроль за выносом продуктов сотрудниками пищеблока, шеф-повар тут же пожаловалась директору, и между нами возник первый серьезный конфликт. Разговор на повышенных тонах состоялся один на один в кабинете директора. Дошло до того, что он вышел из себя, начал кричать, что старше меня, член партии, не позволит мне совать свой нос куда не следует и т.п. Я тоже не сдержался и пообещал набить его «партийную рожу» прямо здесь, в кабинете. После этого месяца два наше общение ограничивалось сугубо деловыми вопросами.

ДОСУГ

Когда дом для «молодых специалистов» отремонтировали, я заселился в свою квартиру. После общаги — просто шикарно. Через входную дверь вы попадали на застекленную веранду, дальше еще одна дверь, уже в квартиру. Внутри: справа 6-метровая кухня с печью, столом и холодильником, слева помещения для умывальника и туалета, прямо — зал, от него налево — дверной проем в маленькую спаль-

ню. Обстановка скромная, но есть все, что необходимо: шкаф для одежды, кровать, диван, стол, телевизор, палас, шторы, даже трюмо и разлапистый фикус в большом горшке.

А вот ни водопровода, ни центрального отопления не было. Воду мне приходилось носить ведрами из третьего корпуса, примерно за 100 метров. Отопление печное. Топишь печь, от нее нагревается вода в трубе, протянутой по периметру зала. Только вот, ремонтируя дом, про печь забыли, она была щелястая, с плохой тягой и сильно дымила. Приходилось каждый день делать влажную уборку, протирать угольную пыль. Зимой, в морозы, с вечера натопишь, аж жарко, а к утру все тепло выстудит, да так, что вода в рукомойнике покрывается ледяной корочкой. Туалет «типа сортир» — на улице. Недалеко от крыльца стоят две сосны, под ними деревянный столик со скамейками. В ограде калитка, которую я уже знал, от нее — тропинка через лес к морю. После общежитского многолюдья было непривычно тихо и одиноко. Первые полтора-два месяца — и в выходные дни, и поздним вечером — часто звали в лечебные корпуса, где срочно требовалась моя помощь. Потом все понемногу успокоилось, «дергать» перестали, вопросы решались, как и положено, в рабочее время.

Как-то вечером — быстрый стук в дверь. Открываю. На пороге молодая девушка, веселая, подвижная — секретарь местной комсомольской организации. Приехала специально за мной на автобусе, предоставленном поселковым советом. На этом автобусе она объезжала всех комсомольцев из близлежащих деревень, чтобы собрать на отчетно-выборное собрание, которое должно состояться в сельском Доме культуры. Из любопытства поехал. В автобусе накоротке, никого не запомнив, познакомился с комсомольцами, некоторые типажи оказались весьма забавными. Например, один парень — косоглазый и картавый — когда кто-то начал ворчать, что в автобусе слишком темно, провозгласил: «Темнота — дууг маладежи!» — после чего долго хохотал. В автобусе — тяжелое амбре. Пахнет сивухой, луком, табачным перегаром, силосом. На ступеньках, вплотную к автобусной двери, почти высунув нос в щель над ней, стоит девушка — симпатичная, явно городская — ловит свежий воздух. Всем своим

видом, очень театрально, демонстрирует, как ей неприятно вынужденное соседство. Смешно. На собрании я сел рядом, познакомился. Она оказалась, как и я, молодым специалистом, приехавшим по распределению, учительницей истории. На меня попытались возложить какую-то комсомольскую «нагрузку». Я, естественно, увернулся. Больше на подобные собрания не ездил. А вот с девушкой-учительницей, ее звали Виолетта, мы начали встречаться. Правда, надолго меня не хватило. В ней было слишком много того, что мне не нравится в женщинах: эгоцентризм, утрированная независимость, завышенная самооценка, истерики по любому поводу, тяжелая, изматывающая ревность, а еще — полное отсутствие чувства юмора. Чтобы насмешить, написал ей шуточные стихи:

*А губки бантиком, а зубки ровные,
А щечки персиком, а ножки стройные.
Взять бы это все, да и скушать бы,
Чтоб остались бы одни уши бы.*

В ответ получил такую сцену, хоть святых выноси. Вскоре один знакомый в разговоре упомянул, что в их школе опять нет учительницы истории: за «молодой училкой» приехал отец и увез домой.

Вечерами, когда гас телевизор, становилось очень тихо. Учился топить печь. Мне нравилось сидеть на кухне в темноте. Когда печка, наконец, разгоралась, по стенам начинали бегать огненные блики, в трубе гудел ветер, глухо шумели сосны.

Если позволяла погода, много гулял по лесу. Обнаружил несколько баз отдыха, законсервированных на зиму. Чтобы не заблудиться, старался запоминать направление к берегу моря, по которому можно вернуться домой. Людей не встречал, для туристов-палаточников уже было холодно, а деревенские в эту сторону не забредали, грибы уже сошли. Лес — сосновый бор, без конца и края, чистый и светлый, почти без подлеска. Замечательный хвойный запах, из ложбинок тянет грибной прелью, строчит очередями дятел. Иногда брал с собой «мерзавчика», разводил на берегу костерок. На закуску — черный хлеб, помидор, обжаренное на костре сало. Тихо — нет городского гула, только шум леса за спиной и шорох моря. Ничто не мешает

думать, вспоминать, иногда грустить, делать «работу над ошибками».

По вечерам «воевал» с печкой, она никак не хотела топиться. Вроде уже дрова разгорятся, а сыпану уголь — печка гаснет и дымит из всех щелей. Дрова на растопку мне привез Володя Ким, а уголь я брал, насыпая в ведра, из огромной кучи величиной с 3-этажный дом, которая возвышалась на берегу. Уголь привозили на баржах для котельной интерната. На мою удачу, скоро появился добровольный помощник. Это был мужчина лет 65, фронтовик, бывший замдиректора сельхозтехникума по имени Леня. Отчество не признавал, просил называть его по имени. Он страдал психическим заболеванием, преобладающим фоном настроения был гипоманиакальный. Заходя ко мне, Леня обычно что-то напевал, пританцовывал, часто читал свои стихи, сумбурные и бессмысленные, много рассказывал о своей жизни, путая хронологию. Легко аффектировался, становился раздражительным и гневливым. Он мне объяснил, что такую печку, как моя, с плохой тягой, надо топить исключительно угольными камнями, показал, как это делать. С тех пор проблем с растопкой у меня не было. Леня где-то нашел панцирную сетку от кровати, через которую просеивал уголь, наполнил отборными кусками два десятка старых ведер и заставил ими, впрок, всю веранду. От денег отказывался, только иногда соглашался выпить со мной чай с пряниками. Диетическое питание мне так и не удалось организовать. А вот дополнительное питание для фронтовиков, убедив директора, все-таки в рацион ввел. Получал его и Леня.

Несколько раз ездили с директором к его приятелю — егерю Петровичу. Тот угощал нас «егерской настойкой» — самогоном, настоящим на каких-то травах, корешках, потрясаясь вкусными жареными грибами. Как-то Петрович пригласил нас на медвежатину. На охоте убил семь волков и двух медведей. Очень впечатлило, когда я увидел свисающие с навеса медвежьей шкуры с заиндевевшими каплями крови. Пили «егерскую», закусывали мороженой строганиной из медвежатины, макая куски мяса в плошку с уксусом и перцем. Когда самогон неожиданно закончился, Петрович предложил мне купить медвежью шкуру за две бутылки водки. Я согласился, но попросил

сначала шкуру выделывать. «Если я ее выделаю, доктор, значит, я буду трезвый. А тогда за две бутылки водки не отдам», — трезво ответил пьяный Петрович. Слыл он мужиком жестким, с которым лучше не связываться, браконьеров давил нещадно. Несколько раз в него стреляли через окно.

Иногда, чтобы скоротать вечер, я заходил в гости к Ивану Николаевичу, дом которого тоже находился на территории интерната, чтобы выпить, пообщаться. Человек он был, безусловно, интересный: сильный, образованный, умный, хороший психолог, вернее — манипулятор. Настораживали в нем неискренность, которую я чувствовал, властолюбие и пренебрежение к людям, хитреца и стремление из всего получить выгоду. Жена Ивана Николаевича работала медсестрой. Она была, что называется, «душа-человек». Отлично, профессионально работала, жалела больных, нос, как «директорская жена», не задирала. Справедливости ради надо сказать, что директор был весьма авторитетным человеком в округе, считался одним из лучших директоров интерната. Когда приезжали многочисленные проверки из райцентра или управления, принимал широко и гостеприимно. Организовывал прогулки на теплоходе, охоту и рыбалку с Петровичем, накрывал богатый стол. С собой проверяющие увозили сумки с «гостинцами».

БЕСПРЕДЕЛ

Как попадали в психинтернат бывшие уголовники, мне так никто и не объяснил. Вероятно, существовало какое-то межведомственное соглашение, которое не афишировали. К моему появлению в интернате было около двадцати бывших уголовников, все — мужчины 60-65 лет. Трое из них — с особо тяжкими статьями в прошлом. Информация о судимостях содержалась в личных делах, хранящихся в канцелярии интерната. Это были психически здоровые люди без инвалидности, трудового стажа, пенсии, жилья «на воле». В интернате они жили как в доме отдыха: чистый воздух, прекрасная природа, сносное питание, рыбалка. Все, кроме Пшеницы, разместились в третьем корпусе, где находился мой кабинет. Многие из них обзавелись сожителями из

числа «обеспеченок». У каждой такой «семьи» была отдельная комната, обставленная в соответствии со вкусом и возможностями хозяина. «Авторитеты» жили своей жизнью, мне никаких проблем не создавали, больных не обижали. Я их тоже не трогал. Иногда они обращались ко мне за врачебной помощью, помогал чем мог. Сформировалось вполне мирное и устойчивое, как мне казалось, сосуществование, которое всех устраивало.

Дело было весной. Ко мне прибежали из столовой. Прямо там на глазах у всех один из бывших уголовников ударил мальчишку-олигофрена в спину ножом. Этот человек по прозвищу Ботинки был мне знаком чуть ли не с первого дня. Хорошо помню, как он подошел ко мне и предложил сшить тапочки, показав свою продукцию. Тапочки были вполне симпатичные, но я, естественно, не захотел быть обязанным. У Ботинки были ампутированы обе ноги примерно на уровне середины голеней. Передвигался он на согнутых в коленях ногах, которые засовывал в самодельные полуметровые галоши, при ходьбе опирался на железную клюку. Ботинки был сапожником, отсюда и кличка. Шил на заказ домашнюю обувь, видимо хорошую, потому что заказов из деревни было много. Платили ему в основном продуктами, уверен, что и самогоном. Со слов очевидцев, между ним и мальчишкой возникла перепалка. Потом вроде все успокоилось. Ботинки выбрал момент, подошел сзади и сапожным ножом ударил в спину.

Проводить расследование мне было некогда, попросил отнести парня в ближайший корпус, в медпункт. На каждом посту у нас хранились специальные укладки для экстренной хирургической помощи, где были стерильные салфетки, шовный материал, иглы и пр. Я сделал такие укладки после того, как несколько раз пришлось зашивать небольшие рассечения на головах и лицах у пацанов-олигофренов, выяснявших между собой отношения на кулаках. Теперь очень пригодилось. Нож, к счастью, рассек только мягкие ткани, не задев почку. Операция прошла удачно, и уже через пару дней пострадавший встал с постели и сам ходил на перевязки.

Я вышел на улицу, у конторы стоял директор, подошел к нему:

— Иван Николаевич, люди напуганы. В милицию будешь звонить?

— Звонить не буду. Сами разберемся. Ботинки, пойді-ка сюда.

Пришлепал на своих галошах Ботинки, видно было, что отчаянно трусит. Лебезящим голосом начал оправдываться:

— Ваня-Коля, ну ты сам посуди: я серьезный мужик, а этот дебил мне очередь за пайкой не уступил.

— Ну и что ты сделал?

— Да насадил фазана на пикю.

— А куда ударил-то?

— Да в спиняку.

Директор как бы невзначай взял у Ботинки клюку, попросил повернуться спиной и показать, куда именно ударил ножом. А когда тот повернулся, начал наотмашь бить по спине железной клюкой, ударил несколько раз. Потом снял навесной замок с двери подземного овощного склада, рядом с которым мы стояли, и по наклонному пандусу швырнул Ботинки вниз. Замок запер, ключ положил в карман: «Вот так, доктор, теперь я его «полечу». Была поздняя весна, в хранилище к тому времени осталась только квашеная капуста, ну и, наверное, крысы. Ботинки просидел в подвале в полной темноте неделю. В последующем нарушений за ним не было. Лечение оказалось эффективным.

Летом прислали новенького по фамилии Скоков с диагнозом: «последствия неоднократных черепно-мозговых травм, психопатоподобное поведение». А вдобавок к диагнозу — неоднократные судимости за кражи, злостное хулиганство, нанесение телесных повреждений. Кличка у него была Скок, весьма подходящая. На блатном языке «скок» — квартирная кража со взломом. Это был сухощавый человек с испитым лицом, прокуренными до черноты зубами, весь в наколках. Внешность, жаргон — типичный представитель мерзкой прибалтливой шпаны, только изрядно постаревший. Он предложил свои услуги нашей хозслужбе как сантехник и был официально трудоустроен. Специалистом оказался хорошим, директор был им доволен. Я не раз замечал, как Скок, сидя на скамейке у третьего корпуса, о чем-то оживленно разговаривал с «авторитетами», но особого значения этому не придавал. Как оказалось, зря.

Наши пациенты находились на полном государственном обеспечении. От пенсии, которая была установлена государством тому или иному человеку, 90% зачислялось в бюджет, 10% выдавалось на руки наличными. Это были небольшие суммы, 6-10 рублей. Два, три раза в месяц составлялись списки на «подтоварку». «Обеспеченцы» заказывали то, что им надо купить в магазине. Просили какие-то бытовые мелочи, вроде почтовых конвертов, карандашей, зубной пасты, мыла, но в основном — не портящиеся продукты питания: сахар, печенье, конфеты, консервы. Так люди хотя бы отчасти пытались разнообразить свой рацион. Дежурная медсестра с санитаром собирали деньги, ехали в магазин, где покупали все, что было указано в списках, а потом раздавали в корпусах пациентам.

На планерке мне доложили, что происходит что-то странное. Число заказов от «обеспеченцев» на «подтоварку» резко сократилось. То же самое повторилось и в следующем месяце. Зато чуть ли не ежедневно по ночам, в третьем корпусе, в комнате, где жил Скоков, начала собираться компания. Пьянствовали, горланили песни. Даже до моего дома доносились крики, музыка. У «братвы» появились деньги, и, кажется, я понял откуда. Расспросил кое-кого из «обеспеченцев». Очень боясь, озираясь, полупешепотом мне рассказали, что в интернате орудует группа бывших уголовников, возглавляемая Скоковым, которые отбирают пенсионные деньги у «обеспеченцев». Делают это нагло, злобно, угрожая ножами. Я подошел к Скокову, попробовал с ним поговорить по-хорошему, в ответ — шуточки, обезьяньи ужимки, клятвы, что это «в натуре, гнилой базар и поклеп». Доложил директору, тот отмахнулся: «Знаешь, доктор, этот мужик — молодец. Он мне нужен, сантехнику наладил так, как наши не могли. Остальное меня не касается, я его трогать не буду». Что делать? Обращаться в милицию, к тому же через голову директора бессмысленно. Даже если кто-то из «обеспеченцев» даст показания, уголовное дело заводить не станут. Потом мне же и скажут: «Человек-то больной, с диагнозом, лечить надо было да за порядком лучше следить».

Вечером в день выдачи пенсии встретил у третьего корпуса Скокова. Он тащил большую

сумку с позвякивающими в ней бутылками. Увидев меня, забежал в подъезд. Я поднялся за ним на второй этаж, зашел в комнату. На кровати горбилось одеяло. Откинув его, вытащил сумку с бутылками:

— Это все я у тебя конфискую.

Скоков выдернул откуда-то из-за спины нож, завизжал:

— Попробуй, сука, перо в бок получишь. Давно выпрашиваешь!

Закричали, испугавшись за меня, женщины. Накрыло горячей волной злобы, но я понял, что сейчас разбираться с этим подонком смертельно опасно, придется на время затаиться, выждать.

— Добро, утихомирься, — сказал я, — ухожу.

Пошел к себе домой, выпил пару рюмок водки и устроился у окна, которое смотрело на третий корпус. Наконец, дождался. Скоков вышел на улицу с какой-то женщиной, и они направились за корпус — к реке. Выскочил из дома, почти бегом обогнул корпус с другой стороны, перепрыгнул через ограду и пошел по тропинке навстречу парочке. В правом кулаке зажал тяжелую связку ключей. Скоков, увлеченный разговором, заметил меня, когда мы были почти рядом. Резко сунул руку за спину, но опоздал. В прыжке изо всей силы я ударил кулаком в лицо, получилось — в кончик подбородка. Скоков отлетел к ограде и затих. Его знакомая пробормотала, уходя: «Доктор, я ничего не видела. Давно пора».

Я подошел к «пациенту», ногами подкатил к краю обрыва и толкнул в реку. Спустился следом, сунул его голову в воду. Подержал, пока тот не начал захлебываться и пускать пузыри, поднял голову за волосы, дал немного подышать и опять притопил. Процедуру водолечения повторил несколько раз. После этого дал Скокову прийти в себя и пообещал, что, если он сегодня же не исчезнет из интерната, я его убью. Судя по глазам, он мне поверил. В тот же вечер сел на «речной трамвай» — ходил тогда по реке тихходный теплоход — и исчез навсегда.

Уже поздно, часов в 11-12, услышал стук в дверь. Стало зябко. Кто это, кореша пришли, чтобы разобраться за Скокова? Но делать не

чего, надо открывать. За дверью трое, те самые — с особо тяжкими статьями.

— Доктор, мы побазарить пришли. Можно пройти?

— Проходите.

Посидели, покурили.

— Доктор, давай назад крутить, как было. Мы с себя вины не снимаем. Сами сколько раз этого фраера удавить хотели, но уж больно легкие бабки пришли.

Я пообещал не мстить. На том и разошлись. «Обеспеченцы» повеселели, из глаз исчез страх, заказы на «подтоварку» увеличились. Директору пришлось искать нового сантехника. О том, что случилось, он, конечно, знал, но меня ни о чем не расспрашивал. Вот как бывает. Появился черт, взбаламутил своим поганым хвостом болото, а когда исчез, грязь и гниль опять тихо опустились на дно.

РОМАНТИЧЕСКАЯ

Мне все больше нравилась старшая медсестра Валя. Это была красивая молодая женщина, с какой-то абсолютно городской внешностью и манерой поведения. Конечно, у меня к тому времени на «подконтрольной территории» уже были какие-то мимолетные увлечения, но в этот раз — что-то более серьезное. Сама она из Томска, там окончила школу, медучилище. В доме отдыха познакомилась со своим будущим мужем, влюбилась, а после свадьбы уехала на его родину в деревню, устроилась на работу в психинтернат. Я уже умел нравиться женщинам, был, как мне казалось, раскован и интересен в общении, но все мои «пируэты» оставались безрезультатными. Валя была неизменно приветлива, охотно слушала мои рассказы, смеялась шуткам, но дальше дело никак не шло. Что это, врожденная женская скромность и порядочность или кокетство, игра в «попробуй догони»? Меня это злило, задевало самолюбие. Особенно после того, как я увидел ее мужа.

На 7 ноября «верхушка» интерната собралась за столом, чтобы отметить праздник. Здесь было принято семейным приходом парами. Тогда я и увидел Валиного мужа. Видимо, когда-то он был симпатичным парнем, но сей-

час это была ходячая карикатура на пропойцу-алкоголика, вроде тех, что печатали в «Крокодиле». За столом, не дожидаясь очередного тоста, опережая круг, он опрокинул несколько стопок подряд. Буквально сразу же задремал, а потом как-то мягко, медленно сполз со стула на пол, устроился поудобнее и проспал до конца вечера. Судя по реакции присутствующих, ситуация была привычной и никого не удивила. На Валью было жалко смотреть. От унижения и обиды она покраснела до слез, сидела, не поднимая головы.

Мы стали любовниками только через два месяца после первого знакомства. Водитель Володя Ким женился на одной из наших медсестер. Я был приглашен на свадьбу. Задержали дела, опоздал к началу. Когда пришел, свадьба была в разгаре, громко играла музыка, кто-то уже танцевал. Гости изрядно навеселе, но очень пьяных нет, возможно, благодаря обилию острых корейских закусок. От двери увидел Валью. Место рядом с ней пустовало. Наклонившись, заглянул под стол. Так и есть, под столом сладко спит Валин муж. Стало весело и как-то сразу улучшилось настроение, и без того хорошее. Моей соседкой по столу оказалась повариха Катя, та самая — с хорошей фигурой и чувством юмора. Она начала подкладывать мне закуску, подливать в рюмку, потом потащила танцевать. «Строила глазки», тесно прижималась, горячо дышала водкой, говорила, какой я хороший врач, как меня все ценят, а некоторые даже любят. Рисовалось интересное продолжение вечера. Несколько раз я ловил на себе Валин взгляд. Захотелось курить, вышел в сени. Мимо прошла Валя в зимней шапке и шубе. Шепнула: «Жду тебя на улице, выходи». На улице она взяла меня под руку. Уже поздно, крепкий мороз, ни одного прохожего. Под ногами хрустит снег, искрится в свете полной луны. Пошли к Вале домой, где все произошло так, как надо.

Через какое-то время после свадьбы Володя Ким подошел ко мне и предупредил, что у них в деревне принято «ходакам по чужим бабам» ломать ноги оглоблей: «И вы, доктор, первый на очереди». Связано ли это было с теми отношениями, которые завязались у нас с Валей, или моими предшествующими увлечениями, я не знал, но к предупреждению отнесся серьез-

но. И хотя отношений с Валею не прервал, стал осторожнее.

Приближался Новый год. Я решил отметить праздник в большом городе, благо выпало три свободных дня. Купил хороший запас водки, «по разнарядке» — была такая форма поощрения сотрудников перед некоторыми праздниками — получил на складе 2 кг мясной вырезки и на нашем уазике, с оказией, поехал в город. Я хорошо знал в общежитии стоматологов одну крутую компанию, с которой периодически «зависал» в интернатуре, доводя до нервных срывов коменданта, вахтеров и деканат стомфака. Вот у них и решил приземлиться. Меня, конечно, не ждали, но приняли «на ура». У одного из них, моего приятеля Игоря, на удачу, оказалось в комнате свободное место. Я нажарил мяса с большим количеством лука, как научился делать в интернате, водки было много — что еще надо двум хорошим товарищам, не видевшимся полгода? Я знал, что Игорь давно встречается с девушкой, демонстрируя весьма редкое в нашей среде постоянство. Мы посидели, очень хорошо выпили, и тут он заявил: «Все, иду сдаваться — буду сегодня делать предложение». Я отдал свои джинсы, рубашку, благословил стопариком, и он отправился закладывать фундамент ячейки советского общества. А я, надев его костюм-тройку, — на дискотеку.

Два 9-этажных студенческих общежития, в одном из которых жили будущие стоматологи, а в другом лечебники, соединялись между собой переходом и большим залом. В зале поставили елку, устроили дискотеку. В переходе я нос к носу столкнулся с группой студентов-кавказцев. За пару-тройку лет до описываемых событий они избили и обобрали нашего приятеля. Пришлось вмешаться и доходчиво объяснить, что так делать нельзя. Тогда они урок усвоили, но сейчас, увидев, что я один, решили рассчитаться. К их сожалению, ничего не вышло. В переходе появилась компания знакомых ребят, бывших младшекурсников, кого мы называли «писюнами». Теперь это были взрослые, уверенные в себе парни, почти «старики». Увидев меня, искренне обрадовались, начались расспросы: что, где, как? Гордые и горячие кавказцы сразу как-то сникли, пожухли. Их курбаши, Камал, протянул мне руку, сказал, что любит меня как брата, в чем я, собственно, не

сомневался. На этом все закончилось, так и не успев начаться.

В зале полумрак, громкая музыка, толчея. От красивых девушек в праздничной одежде и боевой раскраске рябит в глазах. Вспыхивает стробоскоп, выхватывая из темноты разгоряченные, возбужденные лица. Пахнет духами, свежим алкоголем, потом. В общем, «дымно, смачно, круто». Моих ровесников, конечно, нет, знакомых женских лиц — тоже. Новогодняя ночь имеет одно интересное свойство. Она кажется очень длинной, но если ты вовремя не сведешь романтическое знакомство с девушкой, то не успеешь оглянуться, как их, то есть девушек, уже расхватили; светает, ты остался один, а вместо подружки — недопитая бутылка. Я это знал по собственному опыту. Мне повезло, недалеко от меня танцевала подвижная, стройная симпатяшка, брюнетка с темными глазами. Позже я понял, что это — судьба. А тогда решил — просто хорошая возможность провести время. Смущало одно. В костюме своего приятеля, который был ниже меня сантиметров на пятнадцать, я выглядел довольно нелепо. Но знакомству это не помешало. Три дня пролетели быстро. Выйдя из общежития на улицу, оглянулся на окно Наташи, так звали мою новую знакомую, показалось, что она смотрела мне вслед. Кстати, девушка Игоря ответила согласием на предложение выйти за него замуж. Уверен, что не последнюю роль в этом сыграли мои фирменные, как тогда говорили, джинсы.

Опять начались рабочие будни. Все было как обычно, но что-то подспудно беспокоило, тревожило. Потом понял. Я просто скучал по Наташе. Она оказалась на удивление милой, доброжелательной, какой-то уютной девушкой, очень симпатичной и веселой. В ней не было жеманства и нелепого кокетства, все было по-настоящему. Долго раздумывать не стал. Написал письмо, подробно объяснил, как добраться, и пригласил в гости. Ответ пришел почти сразу, телеграммой на деревенскую почту, откуда ее текст передали по телефону в нашу контору: «Встречай в пятницу, рейс автобуса 18.00». Все оказалось просто. Она тоже скучала и хотела увидеться.

Наступила пятница. Уже с утра я заметил какое-то нездоровое оживление в интерна-

те. Сотрудники искося посматривали на меня, многозначительно улыбаясь. Зашел по делу к Вале. Вижу — она без настроения, глаза красные.

Спрашиваю:

— Валя, что случилось?

— Да ладно тебе. Уже все знают, что сегодня твоя невеста приезжает.

Похоже, все, кроме меня, знали про «невесту», теперь и я узнал. В течение дня ко мне напросились в гости — все! Примерно 70 человек. А раз так, надо же встретить, угостить, напоить — задача. Директор дал добро, на складе выписал 5 кг мяса. Обратился к поварам за помощью. Пообещали нажарить вечером котлет, дать посуду. Валя поворчала, но отлила 2 литра спирта. С теми запасами, которые у меня были, прикинул, должно хватить. Прибрал квартиру, протопил печку, перенес кухонный стол в зал. Получалось всего 7-8 посадочных мест, не больше. Вечером поехал встречать Наташу к приходу автобуса. По дороге заметил девушку в шубке, которая шла по обочине, навстречу машине. Ждал на остановке у магазина минут десять, автобуса нет. Зашел в магазин, купил бутылку коньяка, спросил про автобус. «Да уж всех высадил и обратно в райцентр укатил», — ответила продавщица. Вот тут-то я и вспомнил повстречавшуюся нам девушку. Ситуация, как в известном фильме «Не может быть!». Только наоборот. В нем главный герой, который познакомился с девушкой на улице, не мог узнать ее в платье. А я свою в шубке не видел, вот сразу и не узнал. Развернулись, догнали. Расцеловались.

Наташе мой дом понравился. Стала хлопотать, накрывать на стол. Я разводил спирт глюкозой в уже не раз проверенной пропорции, разливал по бутылкам, ставил в холодильник. Подошли повара, принесли одну кастрюлю котлет и вторую, побольше, — вареной картошки. Потом начали разгружать припасы из принесенных с собой сумок. Чего там только не было! Перечислять не буду, стол получился очень вкусный. Почти все, кто подходили, что-то выставляли на стол: женщины домашние закрутки, мужчины — домашние наливки. За стол садились партиями. Те, кому не хватило места, стояли на крылечке, курили, разговаривали. На улице легкий мороз, идет мягкий, больши-

ми хлопьями пушистый снег. Особой толчеи не было: люди подходили небольшими группами, подменяясь на сменах. Сидели минут 20-30, уходя, благодарили, заходили следующие. Единственный, кто не сменялся, был Валечкин муж. Он как сполз в самом начале под стол, так там и находился до конца. Мы сидели с Наташей во главе стола. В нашу честь произносились тосты. Все, как сговорившись, желали нам здоровья, любви, счастья, долгих лет совместной жизни. Нам было поначалу смешно, пытались возражать, но потом перестали: нас, похоже, уже поженили. Может быть, эти взрослые, чуткие, деревенские люди видели то, что мы сами еще не понимали?

Вечер подходил к концу. Вали нигде не было видно. Ребята кое-как растолкали ее мужа, подхватили под руки и утащили. Мы остались вдвоем с Наташей. Устали, уборку решили делать завтра. Вышли на улицу подышать свежим воздухом. Я увидел какой-то необычный предмет у крылечка, напоминающий мешок, которого здесь раньше не было. Толкнул его ногой — «мешок» зашевелился, потом встал. Это была Валя, судя по тому, как ее занесло снегом, просидевшая так не меньше часа.

— Иди домой, замерзнешь, — сказал я. — «Нас» больше нет.

— Да, да, я все поняла, прощай, — уходя, ответила она.

Наташа, ставшая свидетелем этой сцены, сказала: «А я все думала, зачем она мне о тебе столько хорошего рассказывает. Получается, вроде как с рук на руки передала». Как-то некрасиво получилось.

Оказалось, это было еще не все. На пороге появился знакомый: «Доктор, узнал в деревне, что к тебе невеста приехала. Вот решили с женой вам подарок сделать — по ночному лесу покатать». Сели в его УАЗ-469, в просторечии, «козлик», и — в лес. Наташа увидела сказку, царство Деда Мороза. Остановились на какой-то полянке, знакомый выставил на капот угощение, набулькал в стаканчики. Но выпивать уже не хотелось. Хотелось дышать чистым, прозрачно-холодным воздухом, смотреть на звездную россыпь, притоптывать ногами скрипучий снег, а еще — чувствовать, что рядом — любимый человек. Сейчас я понимаю, что это было счастье. Счастье, которое мы ищем,

ждем, а когда оно приходит — почти никогда не замечаем. Как у И.А.Булгина: «О счастье мы всегда лишь вспоминаем. А счастье всюду...»

Наташа приезжала часто, почти каждые выходные. Я к ней ездил гораздо реже: в городе мы были как бездомные котята, а у меня — никто не мешал, спокойно, уютно, сытно. Иногда я встречал ее на остановке в деревне, чаще ждал дома, топил печку, готовил ужин. Много гуляли по лесу, вдоль моря, забираясь в такие уголки, где, казалось, не ступала нога человека. Один раз ушли так глубоко в лес, что мне пришлось влезть на сосну, чтобы определить направление. Когда стало тепло, засиживались на берегу допоздна, разводили костер, понемногу выпивали, жарили на палочках хлеб, сало. Много рассказывал о своей жизни, работе. Я был старше Наташи на три года и — на целую жизнь. Она хоть и жила в общежитии, но в каком-то своем, девчоночьем, мире и, конечно, многого не видела. Часто, провожая на автобус, предлагал остаться еще на денек-другой, институт ведь куда не денется. Наташа, не будучи особенно прилежной студенткой, охотно соглашалась.

Летом решил устроить для Наташи рыбалку. С моей стороны это была безусловная авантюра, так как рыбачил я единственный раз в своей жизни, 10-летним пацаном, с отцом. Правда, был еще один опыт рыбалки, здесь, в интернате. Я в ней не то чтобы участвовал, скорее, просто присутствовал, и даже — пострадал. Дело было в апреле. На реке уже не было сплошного льда, серели широкие промоины. Директор и пара знакомых мужиков собрались на рыбалку с каким-то странным приспособлением: что-то вроде детского сачка для ловли бабочек, только раз в пять-шесть больше. Из любопытства пошел с ними. Технология такая: упираясь плечами в рукоятку, мужики опускали «сачок» в промоину, против течения. Рыба, плывущая по течению, должна была набиться в этот «сачок». Не набилась. Плюнули, матюгнулись, пошли обратно. Я немного приотстал, потерял осторожность и — провалился под лед. Спасла реакция: успел широко развести руки и повис по грудь в воде, опираясь на кромку. Течение с большой силой затягивало под лед. Стараясь не делать резких движений, окликнул ребят. Вот тут-то «сачок» и пригодился. Один

из ребят подполз, протянул мне палку. Я уцепился за нее руками, он потянул. Так, ползком, и выбрался. Промок насквозь, на улице минус 15, бегом добежал до своего дома, переоделся в сухое. Когда вернулся в дом к директору, уже было накрыто. Залпом выпил полстакана. Даже насморка не было. Мы засиделись допоздна. В ту ночь с оглушительным грохотом пошел лед, к утру река очистилась. Вспомнилась поговорка: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет». Пусть так, я — не против.

Возвращаюсь к летней рыбалке. Зашел в изолятор к Пшенице, чтобы взять снасти, договориться с лодкой. Тот дал мне несколько полезных советов, удочки, свежих червей, ключ от лодочного замка. Прощаясь, сказал: «Доктор, как выгребешь из реки за мыс и выйдешь в море, держись вдоль берега. Мы с пацанами сегодня сходим воткнем вешки, прикормим рыбу. Вот к этим вешкам лодку привяжи и лови себе на здоровье». Потом достал из холодильника несколько крупных лещей: «А вот это — сунь в холодильник. При любом раскладе без рыбы уже не останешься». Все получилось в лучшем виде. Рано утром, когда на реке еще стоял туман, мы вышли с Наташей на лодке, нашли вешки, привязали к ним лодку. Клевало здорово, и уже к 11 часам у нас была готова уха из рыбы, добытой своими руками.

Мы встречались с Наташей почти полтора года, потом в городе сыграли свадьбу. Три дня миловались в гостиничном номере, после чего она вернулась в общежитие, а я уехал в интернат. Уже женатым человеком.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Шло второе лето моей жизни в интернате. Мы договорились с директором, что я доработаю до очередного отпуска и уволюсь. Наташа ждала ребенка, надо было возвращаться в город, как-то устраиваться с жильем, искать новое место работы.

Я так и не внял прямым указаниям начальника управления и не сделал «нужные выводы». Продолжал свою зловредную деятельность, направленную на «снижение естественной убыли и увеличение очереди за путевками», а именно продолжал лечить людей так, как мог и умел. Несмотря на это, начальник меня больше не

вызывал. К тому времени я хорошо узнал всех пациентов, работа перестала быть авральной, приобрела размеренный, плановый характер. В связи с тем что значительно снизилась смертность, новые «обеспеченцы» поступали редко, только по мере освобождения места. Теперь я мог больше времени уделять сложным пациентам, пробовать новые схемы лечения, больше читать специальную литературу. По заявкам, согласованным и одобренным директором, продолжал заниматься укомплектованием медицинских постов необходимым инструментарием и инвентарем, средствами малой механизации.

Персонал, и медицинский, и кухонный, работал хорошо. Мы как-то «притерлись» друг к другу, люди привыкли к моим требованиям, уже не считали их вздорными придирками или чем-то чрезмерным, не саботировали, что поначалу случалось. Даже шеф-повар больше не бегала к директору жаловаться. Коллектив, как здоровый организм, самоочистился: уволились две медсестры, повар, несколько санитаров. Пациенты мне верили, ждали обхода, узнавали по звуку шагов, откровенно делились своими проблемами. Всю медицинскую документацию привел в идеальный порядок, чтобы врачу, который придет ко мне на смену, было проще.

Казалось, мне удастся спокойно, без чрезвычайных происшествий, доработать до увольнения. Но именно в эти летние месяцы случилось несколько тяжелых, трагических событий.

Я уже упоминал, что через дорогу от интерната находился пионерский лагерь. Один из наших подопечных, Толя, 20-летний парень с врожденным слабоумием, повадился туда ходить. Незаметно выйти из интерната никакого труда не составляло, так же как и попасть на территорию лагеря. В игрушечном домике он устроил себе лежбище, натаскав туда солому, какие-то тряпки. Детям нравилось, что такой большой дядя общается с ними как с равными. Они охотно играли, подкармливали его. За все то время, пока я знал Толю, он не создавал особых проблем: сильный, добрый, спокойный парень. Но, как врач-психиатр, я не мог гарантировать, что в каких-то исключительных обстоятельствах он не проявит физическую или сексуальную агрессию, жертвой которой могут стать дети. Кроме того, обладая большой силой

и не отдавая себе в этом отчет из-за интеллектуального снижения, он мог непреднамеренно нанести ребенку увечье. По просьбе директора пионерлагеря вместе со старшей пионервожатой я ходил во время тихого часа по корпусам, разговаривал с детьми, предупреждал об опасности общения с чужим взрослым человеком. Эффекта не было. Дети почти хором отвечали, что дядя Толя — большой и добрый, а в интернате его обижают и плохо кормят. Пробовал «лечить» по своей методике — большими дозами аминазина, но с ним просто не могли справиться, он убежал и ночевал в лагере.

Кульминация не заставила себя долго ждать. В один из дней в мой кабинет буквально ворвались директор и пионервожатая лагеря, кричали что-то бессвязное, тащили на берег. Добежав до берега, я увидел, что Толя, а с ним несколько маленьких пацанов, плывут по реке в лодке, направляясь на противоположный берег. Лодка была бесхозная, насквозь прогнившая, брошенная на берегу нашими местными рыбаками из-за невозможности ее починить. Весел не было, Толя отгребался какими-то дощечками. Нам оставалось только смотреть, ждать, кто мог — молиться, чтобы дети не утонули и живыми добрались до берега. Попасть в лес на том берегу можно было либо на лодке, либо кружным путем, через деревню, примерно — километров десять. К счастью, вечером ребятишек всех нашли, испуганных, искусанных комарами, но — живых. Понимая, что сделал что-то не то, Толя появился в интернате только на следующий день. Одно из помещений конторы пустовало. Когда-то в нем был склад материальных ценностей: на окне мелкая решетка, дверь обита листовым железом. Вот в этом помещении директор и заперся с Толей. Что там произошло, не знал никто. Через какое-то время директор ушел, заперев дверь помещения на ключ. На следующее утро, подойдя к конторе, я увидел, что нижний угол двери отогнут с какой-то невероятной силой, под дверью сделан подкоп, а Толя исчез. Больше я его не видел. Как надо было поступить в ситуации, когда под угрозой были детские жизни? Вопрос риторический.

С промежутком в несколько дней пропали два пожилых мужчины. Их трупы вскоре были обнаружены на берегу реки. По всем признакам

они утонули. Как оказалось, в истории интерната это не первый случай. Вызвали из райцентра бригаду милиции. В составе бригады был судмедэксперт — мой знакомый по институту. Знакомство шапочное: несколько раз встречались в наших общагах за общим столом. Звали его Женька Круглов, а прозвали, не без иронии — Эжен де Кругло. Известность он приобрел, выиграв спор: выпил «из горла» бутылку водки и 15 минут простоял в парной, на верхней полке, по стойке смирно. Забавно, что спорили — на бутылку водки. За несколько лет он очень изменился, постарел, обрюзг, видимо, работа была вредная. Вскрытие решил проводить в нашей котельной. Пока готовили для этого все необходимое, выпросил у меня спирт. Я налил в стакан грамм 150 разведенного спирта. Он схватил его трясущимися руками, пил жадно, давясь и захлебываясь. При расследовании и на вскрытии криминал не обнаружили — это был несчастный случай. Милиционеры пошли к директору оформлять документы, Женька напросился ко мне. Опять выпил и опьянел настолько, что я с трудом дотащил его до милицеской машины, загрузил на заднее сиденье. Через неделю история повторилась как под копирку.

В интернате было около тридцати молодых ребят и девушек, страдающих слабоумием. С неотвратимостью, обусловленной врожденными инстинктами, между ними завязывались сначала дружеские, а потом и сексуальные отношения. Персонал как мог этому противодействовал, но природа всякий раз оказывалась сильнее, особенно в весенне-летний период, когда «каждый кустик ночевать пустит». Потом приходилось ликвидировать последствия этих любовных увлечений медицинскими методами в условиях ЦРБ. Я имею в виду принудительное прерывание беременности и стерилизацию по медицинским показаниям. Девушек было меньше, чем парней, т.е. спрос превышал предложение, а значит, неизбежно возникала конкуренция. Споры разрешались, как правило, на кулаках. Иногда это заканчивалось небольшими рассечениями, которые я зашивал.

Особое беспокойство вызывали отношения одного из ребят, Леши Новикова, с девушкой Машей. Алексей отличался злобным, агрессив-

ным поведением, неоднократно из ревности избивал Машу. По моему назначению постоянно, хотя и без особого эффекта, принимал (или, скорее, не принимал) препараты — корректоры поведения. Когда я замечал ухудшение состояния, переводил его на инъекционное введение аминазина в высоких дозах. На какое-то время он становился спокойнее. Но в наших условиях — свободного выхода, дефицита персонала — не было реальной возможности провести полноценный курс терапии. Такая возможность существовала только в условиях острого отделения психиатрической больницы. Я видел, что состояние Новикова прогрессивно ухудшается, он становится чрезвычайно опасным. Необходимо было немедленно госпитализировать его в стационар. Но директор отмахивался от меня как от надоедливой мухи, не давал машину, ссылаясь на дефицит бензина. Пробовал договориться через его голову с завгаром, но получил отказ. Хотя по секрету завгар мне сказал, что, приходя утром на работу, понимал, директор всю ночь где-то гонял на УАЗе — капот был еще горячий.

Я написал на имя директора подробную докладную, описал ситуацию, риски, которые предполагал, обосновал необходимость срочной госпитализации в острое отделение психбольницы больного Новикова. Докладную зарегистрировал в канцелярии, на моем экземпляре поставили входящий номер, дату. Ответа не дождался. Через три дня Новиков жестоко убил девочку Машу, размозжив ей голову обрезком железной трубы. Вызвали милицию. Приехала та же, уже знакомая мне «убойная» бригада. Расследование провели быстро, все было понятно. Новикова и убитую им девочку увезли в райцентр. Директор собрал срочное общее собрание персонала, на котором заявил: «До окончания расследования врач интерната за непрофессионализм, повлекший смерть человека, отстранен от работы». Я встал, напомнил, что у меня на руках второй экземпляр докладной на его имя, и вышел, не дожидаясь реакции.

На душе было мутно. Наверное, я должен был найти какой-то вариант решения проблемы, тогда девочка осталась бы жива. Подлое, трусливое поведение директора для меня не стало открытием, оно было если не ожидае-

мым, то вполне вероятным. Как говорится, «своя жопа — ближе к телу».

Без стука в кабинет зашел директор, поставил на стол бутылку.

— Не грусти, доктор. У нас еще и не такое бывало. Давай выпьем. А то, что я сказал на собрании, не бери в голову. Это так, для дураков, чтобы болтовни лишней не было.

Что это, подлая трусость, цинизм, бездушие? Опять — риторический вопрос. Пить я с ним не стал. После работы взял «мерзавчика» и ушел на берег. Через две недели Новикова вернули в интернат. В связи с невменяемостью по психическому состоянию уголовное дело возбуждать не стали. В интернате освободилось одно место. Через неделю директор пришел без приглашения на мой день рождения. Пришел с выпивкой, закуской, а еще, предполагая, что я могу послать его по известному адресу, с женой и дочкой.

Не хочется заканчивать повествование на такой печальной ноте, поэтому расскажу о забавном случае, происшедшем примерно за пару месяцев до вышеописанных событий.

Чудесный солнечный весенний день. Мы сидим с директором за столиком под березкой у его дома, «культурно» отдыхаем. Чирикают птички, в подвязанную к березке банку капает сок. Конечно, «горючего», как всегда, не хватило. Чтобы «догнаться», пошел к себе домой взять что-нибудь из своих запасов. На середине пути кто-то из персонала пищеблока остановил: «Доктор, нужна ваша помощь». Захожу на пищеблок. В кабинете шеф-повара вольготно расположились трое городского вида ребят, выпивают, закусывают. Как сказали повара, они еще потребовали «картошечки пожарить». Кто такие, как здесь оказались, почему так нагло себя ведут? Спокойно напомнил, что они находятся на территории государственного учреждения, и посоветовал свалить куда-нибудь на берег.

Услышал в ответ:

— Все, шеф, поняли, уходим.

Возвращаюсь, взяв дома то, что надо. Вижу кучу-малу: трое этих пацанов «машутся» с директором и подбежавшим на помощь Володей Кимом. Взял одного из них на себя, удачно попал ногой в живот, тот убежал. На шум появились санитары, шоферы, повязали двух

оставшихся «бандитов» и потащили в контору. Директор, которому поставили под глазом синяк, яростно-злобный, вызвал из деревни участкового Пурганова. Деревенский участковый — младший лейтенант в 46 лет, костистый, жилистый, страдающий язвой желудка — что может быть страшнее? Деревенскую шпану он «воспитывал» своими методами. Начал снимать показания. Поведение пацанов, мне ли не знать, тянет на чистую 206-ю статью — «хулиганку». Тут заходит сторож с хлебоприемного предприятия, почти слепой Михалыч. Да, в деревне слепой сторож — это нормально:

— Пурганыч, услышал, что ты здесь. У меня в сторожке выбили дверь, сперли две банки тушенки и блок сигарет.

У «бандитов» — те самые пропавшие банки и сигареты. А это уже кража личного имущества, 144-я статья. Пурганов опрашивает свидетелей. Кто-то видел, что пацаны, схватив за руки молоденькую «обеспеченку», тащили ее в кусты, к речке. А это, плюсом, — 117-15 — попытка добиться любви без взаимности. Моя и без того нечесаная шевелюра встала дыбом. Это что ж получается, пацанам, «на круг», лет по 5-6?!

Тут прибежали мальчишки-олигофрены: «Папа», на берегу — еще один». Спустился с ними к реке. Там под кусточком, приморившись от переживаний и выпитого, спит третий, тот самый, который убежал.

Я приказал:

— Взять его. Это плохой.

Схватили, потащили, кто-то пытается поцарапать, кто-то укусить. «Бандит», зеленый от испуга и похмелья, кричит: «Убери их, сам пойду».

А дальше было так. Мне стало жалко дурачков, которые оказались не в том месте и не в то время. Двое из них женаты, есть маленькие дети. Я понимал, как просто сломать себе, по дурацки, жизнь. Но как успокоить жаждущего мести директора, которому разбили лицо? Сбегал, принес спирт. Пока пацаны находились под охраной наших мужиков в соседней комнате, хорошо выпили с директором и Пургановым. Вижу, директор немного подобрел. Пурганов отдал нам все протоколы: «Ребята, жду до завтра. Решите сажать, посажу». Привели всех троих. Директор: «Завтра с вас три

ящика: водка шампанское, коньяк. А теперь пошли вон».

На следующий день в половине двенадцатого, а алкоголем тогда торговали с одиннадцати, в мою дверь постучали. Открываю дверь и вижу отличного парня, моего хорошего знакомого с нашего выпуска мединститута, морячка-подводника. Поздоровались, обнялись. Оказалось, что в свой отпуск он калымит — ремонтирует один из пионерских лагерей, расположенных в деревне. Он «бугор», а «хулиганы» — в его бригаде. Те трое сидят тихо так, скромно на скамеечке, у каждого в ногах — по полной сумке с бутылками.

— Я, — говорит мой приятель, — как узнал, что эти придурки натворили, за голову взялся. А потом, когда они сказали, что их какой-то кудрявый доктор сначала побил, а потом «отмазал», сразу понял, что это ты.

Вот такая история. Нелепая и смешная, которая могла закончиться очень грустно, а закончилась неожиданной встречей с товарищем и крутой выпивкой. Протоколы мы порвали. Пациенты отделались легким испугом и несколькими синяками.

Наступил последний день моего пребывания в интернате. Закончились два года — долгие и короткие, трудные и счастливые. Я зашел в контору, прошел по всем подразделениям, тепло попрощался с людьми. У меня был тот же самый чемодан, с которым я сюда пришел, только немного плотнее набитый. Десяток виниловых пластинок с записями модных тогда исполнителей, которые по знакомству купил на базе в райцентре, подарил Вале — на память. Я стоял на верхней палубе «Ракеты», глядел на уходящий берег. Понимал, что закончился очень большой, значимый этап моей жизни, но не грустил. Меня ждали любимая женщина и — вся жизнь.

ЭПИЛОГ

Как-то мелькнуло название базы отдыха, зацепившее внимание чем-то очень знакомым. Позабавил своей наивностью рекламный слоган: «Сосны, воздух и вода — это к нам на базу». Посмотрел на карте. Точно, те самые места. База находится на территории тогдаш-

него пионерлагеря, что был через дорогу от психинтерната. Интернат существует, работает и называется теперь «Государственное автономное учреждение стационарного социального обслуживания «Психоневрологический интернат».

Напишу о том, что меня особенно заинтересовало и приятно удивило. Теперь это женский интернат на 287 человек — «получателей социальных услуг». В структуре: три благоустроенных жилых корпуса с 2-, 3-, 4-, 6-местными палатами, столовая на 100 мест, актовый зал, библиотека с читальным залом, спортивный и тренажерный залы, швейная, столярная и слесарная мастерские, отделение милосердия, медико-реабилитационное и восстановительное отделение, отделение социально-культурной и трудовой реабилитации, банно-прачечный цех. Медицинский персонал: заместитель директора по медицинской части, врач-психиатр, врач-терапевт, врач-реабилитолог, психолог, специалист по социальной работе, специалист по реабилитации инвалидов, инструктор по труду, инструктор по физической культуре, культорганизатор. Впечатляет. Мне бы такое счастье в свое время!

У нас с женой приближалась круглая, очень знаковая дата нашего знакомства. Решил сделать ей сюрприз. Позвонил на базу отдыха и забронировал номер на два дня. Побегал по магазинам, закупил все необходимое и прямо накануне поставил ее в известность, что едем отдыхать. Когда свернули с трассы на ту дорогу, что приводила в «нашу» деревню, Наташа поняла, куда едем. Начались воспоминания.

Ограда пионерлагеря сохранилась еще с тех, советских, времен, только изрядно обветшала, покосилась, во многих местах — поддерживающие подпорки. На территории лагеря — памятные мне корпуса, большая часть которых пустует, в шести разместились номера базы отдыха. Слоган не соврал. Действительно: сосны, воздух и вода. Комфорт весьма относительный, но для нас с Наташей это было далеко не главным. Распаковались и пошли на прогулку. Интернат окружен 2,5-метровым забором, ворота с электроприводом, проходная, возле которой стоят несколько охранников в унифор-

ме, с рациями в карманах. Можно подумать, что это спецобъект, а не интернат с пожилыми, больными людьми.

Обошли интернат со стороны реки, где сохранилась еще та, старая, ограда из железных прутьев. Увидели три новых больших кирпичных корпуса, отдельное строение бани, теплицы, огороды, цветники, ухоженную, чистую территорию. Сразу видно, что здесь есть настоящий хозяин, да и с финансированием все хорошо.

Подошли к «моему» дому. С крыши исчезли печные трубы, значит, подвели центральное отопление; дом отгородили глухим забором от интерната. У крыльца — две сосны, под ними тот же столик со скамейками, от калитки в лес уходит знакомая тропинка.

Мы стояли с Наташей у моего-нашего дома. Здесь мы узнали и полюбили друг друга, зачали нашего первенца. Здесь вечерами просиживали на кухне у печки, говорили о жизни, строили планы. Наши дети давно стали взрослыми, самостоятельными, независимыми людьми. Прошли десятки лет, но мы, будто на машине времени, вернулись в нашу молодость. Словно и нет за плечами прожитых лет, мы молоды, влюблены и ждем гостей, которые искренне, от чистого сердца пожелают нам «долгих лет совместной жизни». Ну что ж, этих людей давно

уже нет, а их пожелания сбылись. Мы прошли по той самой тропинке через лес, вышли к морю. Долго стояли обнявшись. Была поздняя осень, и, как в первый день моего появления, берег был пустынен, шумели от ветра сосны, набегали на берег волны. Немного замерзли. Вернувшись в свой номер, выпили по рюмке коньяка. И хотя это был не спирт, разведенный глюкозой, он согрел душу и оживил воспоминания. Да, мы прожили очень большую, непростую жизнь, но теперь совершенно точно знали, что не зря.

Владимир Юрьевич ШОЙХЕТ

родился 25.08.1960 г. в г. Усть-Каменогорске, где окончил среднюю школу с золотой медалью.

В 1977 г. поступил на лечебный факультет Новосибирского государственного медицинского института, после окончания которого в 1983 году прошел годичную интернатуру по психиатрии в Областном психоневрологическом диспансере г. Новосибирска.

По распределению два года работал в Завьяловском психоневрологическом интернате НСО.

В 1986 году переехал в Новосибирск, женился, устроился на работу в Областную психиатрическую больницу, где работал врачом-ординатором, заведующим отделением, главным врачом. Сейчас на пенсии.

В журнале «Север» публикуется впервые.

